

Девчонка, верно, и помыслить не могла, что этот кроткий с виду молодой господин с таким мягким голосом способен на подобную дерзость. Она ошеломлённо застыла, не находя слов. Когда же наконец опомнилась, густая краска стыда залила её лицо. Захлёбываясь слезами от незаслуженной обиды, она лишь смогла пробормотать:

— Да как вы... да вы...

Так и не закончив фразу, она топнула ногой и бросилась прочь. Вскоре из глубины садового павильона донёсся тихий, полный горькой обиды плач.

Хан Сиэнь даже бровью не повёл, а вот стоявший рядом Ань Цао застыл в полнейшем изумлении.

Хотя слуга и замечал, что в последние дни характер наследника круто переменялся — тот стал резок и перестал щадить чужие чувства, — он всё равно не на шутку испугался. Обидеть любимицу старой госпожи означало навлечь на себя обвинения в непочтительности к старшим. Сделав шаг вперёд, Ань Цао едва слышно шепнул:

— Молодой господин, это служанка из дома Хэ. Младшая тётушка привезла её с собой из Цинчжоу. Должно быть, там, в павильоне, отдыхает молодая барышня кузина Хэ.

Хан Сиэнь лишь безучастно хмыкнул в ответ. Ань Цао украдкой взглянул на его лицо и, решив, что наследник прекрасно понимает, что делает, покорно замолчал и отступил на шаг.

Хан Сиэнь подошел к персиковому дереву и поднял с земли увесистый, крепкий обрубок корня. Ему ли было не знать, что девчонка прислуживает гостям из Цинчжоу?

Именно его младшая тётушка, Хан Сю, надоумила старую госпожу вернуть Хан Минчжу в столицу из далёкой Заставы Небесных Врат в Сицзяне. Женщина эта с самого рождения отличалась редкостной злобой и коварством.

Когда-то у старой госпожи Хань было две дочери. Старшая, Хан Юнь, вошла в императорский гарем и получила почётный титул добродетельной наложницы — Сянь-фэй. Младшую же, Хан Сю, выдали замуж в провинцию, отправив в цинчжоуский дом Хэ.

Семейство Хэ считалось влиятельным кланом в Цинчжоу, а муж Хан Сю, Хэ Цзюньцзе, был старшим сыном от законной супруги. И всё же, несмотря на региональное влияние, в столице у этого рода не было ни связей, ни веса — редкие выходцы из Цинчжоу занимали в империи лишь мелкие, незначительные должности. Именитые дома столицы и смотреть не стали бы в сторону столь безродных провинциалов.

Но почему же тогда дочь герцога выдали замуж за провинциального помещика? Всё из-за старого герцога, которого Хэ Цзюньцзе когда-то случайно спас от верной гибели. В

благодарность за спасение жизни старый герцог и сосватал за него свою младшую дочь.

Разумеется, покойный глава рода преследовал и свои цели. В те годы величие дома Хань граничило с опасностью. Трое сыновей занимали важные посты при дворе, их браки связывали род с могущественными столичными кланами. Старшая дочь купалась в милостях государя, затмевая своим блеском саму императрицу. Если бы и младшую дочь выдали замуж за равного по статусу, чрезмерное возвышение дома Хань неизбежно вызвало бы подозрения и гнев императора. Это погубило бы и Сянь-фэй, и всё герцогское поместье. Старому герцогу пришлось умерить аппетиты семьи и выдать Хан Сю за человека куда ниже её рангом, чтобы усыпить бдительность трона.

К тому же предприимчивое семейство Хэ славилось своим богатством, а огромные деньги провинциального клана могли стать надёжной финансовой опорой для Хан Юнь в её дворцовой борьбе.

Старая госпожа тогда закатила страшный скандал, сокрушаясь о несчастной доле любимой дочери, но суровый выговор мужа быстро заставил её смириться. Однако чувство вины не покидало её. С тех пор как Хан Сю покинула столицу, старая госпожа Хань осыпала её подарками к каждому празднику, неустанно спрашивая о благополучии дочери и боясь, что на чужбине ту обделят заботой.

На деле же в доме Хэ на невестку из герцогского рода буквально молились, не смея перечить ей ни в чём.

Но Хан Сю, с детства привыкшая к роскоши и всеобщему обожанию, начитанная и гордая, мечтала стать хозяйкой в одном из знатных столичных поместий. Ссылка в глухой Цинчжоу стала для её гордости сокрушительным ударом. Сколько бы золота ни ломилось в кладовых Хэ, её это не радовало. Живя в провинции, она исходила слезами зависти: её родная сестра блистала во дворце, принимая поклоны придворных, пока сама Хан Сю прозябала в статусе жены заурядного чиновника.

Эта пропасть породила в её душе жгучую обиду. Хан Сю была убеждена: родная семья предала её, растоптав её жизнь в угоду старшей сестре. И она поклялась, что никогда не допустит, чтобы её собственная дочь разделила столь жалкую участь.

Хан Сю родила двоих детей — сына Хэ Фаня и дочь Хэ Юйчжу. Девочка росла писаной красавицей, и мать души в ней не чаяла, потакая любым капризам и совершенно забросив сына. Хэ Фань оттого рос нелюдимым и чужим собственной матери, а Хэ Юйчжу превратилась в избалованную, своенравную девицу.

На празднование юбилея старой госпожи Хан Сю привезла детей в столицу с единственной целью — подыскать им выгодные партии среди столичной знати. Юная Хэ Юйчжу и впрямь расцвела, её яркая красота могла поспорить с внешностью первых столичных невест. Хан Сю не сомневалась, что её сокровище ждёт блестящий брак.

Запросы провинциальной гостьи были непомерно высоки — обычные дворяне её не интересовали. Втайне она нацелилась на пятого принца, Цзи Хуая. С её точки зрения, раз уж она когда-то пожертвовала своей судьбой ради возвышения сестры, то теперь сын этой самой сестры обязан жениться на её дочери в уплату старого долга.

Она прекрасно понимала, что скромный статус дома Хэ не позволит претендовать на место законной супруги принца, но положение наложницы или боковой жены её вполне устраивало. Главное — завоевать благосклонность мужа, а там время покажет. Что с того, что боковая жена — по сути, лишь почётная наложница? Сама Хан Юнь тоже носила титул Сянь-фэй, но оставалась при этом лишь прислужницей у ног императора.

Планы были великолепными, вот только Сянь-фэй во дворце и думать не желала о том, чтобы породниться с племянницей-провинциалкой.

В памяти Хан Сиэня эти люди отпечатались лишь из-за его родной сестры.

В прошлой жизни, когда Хан Минчжу вернулась в столицу из Заставы Небесных Врат, её ослепительная красота мгновенно затмила всех девиц в герцогском доме. Гостившая в поместье Хэ Юйчжу исходила злобой от зависти и строила кузине всяческие козни. Что же до Хэ Фаня, то он, стоило ему лишь раз взглянуть на Хан Минчжу, окончательно потерял голову. Позабыв обо всём на свете, парень умолял мать высватать за него кузину.

И Хан Сю, ведомая своей извращённой злобой, ухватилась за эту возможность. Если бы не возвращение клана маркиза Цзинго в столицу по указу императора, да не твёрдый характер самой Хан Минчжу, эта нелепая свадьба наверняка бы состоялась при молчаливом согласии Хан Чжо и прочей родни. Тогда лишь вмешательство самого Хан Сиэня, которому претило одно присутствие этого мерзкого семейства, расстроило их коварные планы.

От этих воспоминаний Хан Сиэнь поморщился. Даже в этой жизни его всё ещё тошнило от одной мысли о семействе Хэ.

Шорох шагов прервал его размышления. Из павильона вышла целая толпа девиц во главе с барышней в ярко-розовом платье. Привлекательное лицо незнакомки искажена ярость, а во взгляде читалась такая спесь, что сразу становилось ясно: эта девица привыкла помыкать всеми вокруг. Это была не кто иная, как Хэ Юйчжу.

Остановившись напротив Хан Сиэня, она сощурилась, изучая его с головы до ног, а затем вдруг сорвала с пояса тонкую кожаную плетёнку и с размаху хлестнула его по лицу.

— Наглец! — яростно выкрикнула она. — Мы с сёстрами изволили слагать здесь стихи, а ты смеешь шпионить за нами?! Я проучу тебя, мерзавец!

Цинчжоу граничил с дикими землями варваров, поэтому местные барышни из знатных семей с малых лет учились постоять за себя. Хэ Юйчжу же с детства питала слабость к верховой плети,

используя её при каждом удобном случае. Она, конечно, догадывалась, кто стоит перед ней, но, пользуясь тем, что они никогда не виделись лично, решила прикинуться дурочкой. Ну ударит она его пару раз — всегда можно пролить слезу, повиниться перед старшими и сослаться на то, что не узнала дорогого кузена. Мать не раз повторяла ей, что этот наследник — пустое место, безвольный калека, не заслуживающий и капли уважения. Хэ Юйчжу была твердо уверена: если она проучит этого ничтожного калеку, бабушка тайно лишь порадуетя.

Стоявшая подле неё благообразного вида девица испуганно ахнула и, побледнев от ужаса, поспешно выкрикнула:

— Постой! Юйчжу, остановись! Это недоразумение! Это же наш братец Сиэнь, сын старшего дяди!

Поднялся переполох, девицы заголосили наперебой.

В то же мгновение Ань Цао, заметив летящую плетъ, не раздумывая заслонил собой господина. Свистящий удар пришёлся прямо ему по лицу, мгновенно прочертив багровую полосу. Слуга вскрикнул от боли, пошатнулся, его лицо исказилось в гримасе страдания, а из глаз брызнули слёзы. Но он застыл на месте как вкопанный, боясь опустить руки, чтобы девица не вздумала ударить снова.

Заметив, что удар пришёлся на слугу, Хэ Юйчжу с досадой прищурилась. Однако Хан Цинсюэ уже выкрикнула имя наследника, и наносить второй удар было бы верхом безрассудства. Какой бы избалованной она ни была, меру дозволенного девица знала.

Хэ Юйчжу нехотя опустила плетъ. Она уже собралась было процедить сквозь зубы фальшивые извинения, как вдруг послышался тихий, грудной смех. От этого звука все присутствующие ошеломлённо замерли, и слова застряли у неё в горле.

Хан Сиэнь с тихим смешком неторопливо обошёл слугу. Сделав шаг навстречу застывшей Хэ Юйчжу, он резко взмахнул зажатым в руке обрубок персикового корня и со всей силы обрушил его на её правое запястье.

В оглушительной тишине персикового сада раздался отчётливый, сухой хруст ломающейся кости.

Хан Сиэнь брезгливо швырнул окровавленный обрубок под ноги. Он посмотрел на окаменевшую от шока девицу и заговорил — тихо, мягко, тщательно выговаривая каждое слово:

— Наше Поместье герцога Хань — поместье герцога первой степени, дарованное самим великим прародителем династии Великая Чжоу. Нынешний герцог Хань — первостатейный имперский чиновник, а я — наследник, чей титул утверждён лично государем. Моя кровь и моё положение неоспоримы. Из какой же глуши явилась ты, безродная побирушка, не имеющая ни

малейшего представления о благородных манерах? Ты смеешь заявляться в чужой дом и устраивать здесь визг, точно в конюшне своего провинциального захолустья? Мало того, что ты калечишь моих слуг на моих глазах, ты посмела поднять руку на самого наследника герцога. Кто дал тебе право, девка?

<http://bllate.org/book/20088/2001973>